Харитонов Валерий Николаевич

„ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСК"
г. Новосибирск

6 декабря 1978 г. № 279.

творческий портрет

...Заставить душу улыбаться

Если бы все герои артиста «Красного факела» В. Н. Харитонова одновременно вышли на сцену — среди шестидесяти персонажей, сыгранных актером за пятнадцать лет, мы увидели бы представителей самых различных «племен, наречий, состояний». Средневековые владетельные особы, поражающие физическим маразмом и природной тупостью. Хитроумные ловкие слуги и авантюристы все из того же славного восемнадцатого века. Подлецы из русских купцов прошлого столетия и непробиваемые бюрократы наших дней. Всех их не перечислишь.

В этой удивительной по своей рельефности и выразительности галерее антигероев както особняком стоят истинные рыцари добра, герои в полном смысле слова. И, пожалуй, лучший среди них — бессмертный пулеметчик бронепоезда из пьесы И. Прута «Князь Мстислав Удалой» Суслов Степан.

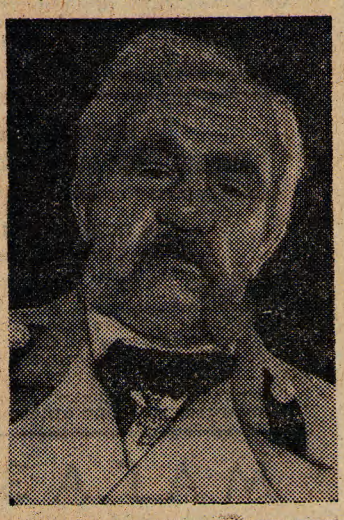
Жизнь и творчество настоящих художников нередко изобилуют парадоксами. Парадоксально и то, что у талантливого сатирика Харитонова, полтора десятка лет с блеском играющего негодяев, тупиц, приспособленцев, любимая роль — пулеметчик революционного бронепоезда. Это одна из лучших в созданной им галерее образов. Такова амплитуда творческих возможностей мастера сцены.

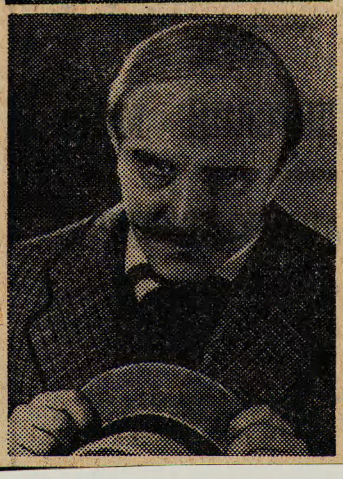
Валерий Николаевич дебютировал на сцене «Красного факела» осенью 1963 года в роли генерала Крутицкого из знаменитой комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Дебют оказался не просто удачным, он был блистательным. И сейчас, через пятнадцать лет, все, кто видел Харитонова в этой роли, помнят его маленького, щупленького антигероя. Все в нем вызывало антипатию — и внешность, и гнусавый голосишко и какое-то глуповатое похлопывание ресницами. Пластическое решение образа было настолько характерно, что если бы герой Харитонова не сказал ни слова, зрителям все равно были бы ясны помыслы и чаяния этого старикашки. Молодящийся подагрик с трясущейся походкой, все еще склонный к донжуанству, Крутицкий Харитонова был и смешон, и жалок. Постановщик спектакля М. Владимиров к тому же усадил физически невзрачного Крутицкого в высокое кресло за большим письменным столом. До сих пор памятна сцена в кабинете Крутицкого, когда он «принимает» Глумова (артист К. Захаров). Уничтожающая ирония актера в адрес своего персонажа чувствовалась во всем: и в том, как Крутицкий с каким-то почти детским восторгом рассматривал поданную ему Глумовым папку, как нетерпеливо ерзал в кресле, усаживаясь так, чтобы лучше лицезреть собственные прожекты, втиснутые в коленкоровый переплет. Уже эта немая сцена вызывала смех. Когда же Крутицкий медленно раскрывал папку и благоговейно произносил: «Параграф перьвый», зал буквально взрывался хохотом.

После появления Харитонова в роли Крутицкого стало ясно, что в «Красный факел» пришел новый интересный актер, со своим оригинальным творческим почерком. Ощущение это было тем более сильным, что и сам спектакль как-то не укладывался в общепринятые представления о сценической интерпретации драматургии Островского. М. Владимиров поставил не бытовую комедию, а откровенный гротеск, максимально высветил отрицательные качества персонажей Островского. Подобная трактовка вполне соответствовала и творческой манере, и сценическому опыту молодого актера.

Упоминание о сценическом опыте Харитонова не случайно. В «Красный факел» Валерий Николаевич пришел не со студенческой скамьи. Закончив в 1961 году ГИТИС им. Луначарского, где учился у мастеров МХАТа народной артистки СССР О. Н. Андровской и народного артиста РСФСР Г. Г. Конского, он два года играл в Ленинградском государственном театре миниатюр под руководством народного артиста СССР Аркадия Райкина. Здесь он стал участником трех программ: «От двух до пятидесяти», «Время смеется» и «Избранные страницы». Под руководством знаменитого мастера смеха Валерий Николаевич постигал тайны сценического мастерства, прежде всего, тайны сатиры. Выразительность пластического рисунка, волшебство перевоплощения, виртуозное владение речью — без всего этого играть у Райкина было просто невозможно. Молодой актер прошел недолгую, но бесценную по своему значению сценическую школу. Опыт, приобретенный в Ленинградском театре миниатюр, во многом определил яркий взлет таланта Харитонова в роли Крутицкого.

Встречи с персонажами других пьес убедили, что взлет этот не был случайным. Герои В. Харитонова неизменно вызывали живейший интерес и у широкой публики, и у театроведов. Заметим при этом, что артисту, творческая манера которого больше тяготеет к негативным персонажам, ничуть не меньше удаются и положительные герои. Выше уже упоминался его пулеметчик бронепоезда Степан Суслов. Но там Харитонов играл простого парня, олицетворявшего народ, поднявшийся на революцию. Несмотря на трагичность происходящего — гибель команды бронепоезда в конце пьесы, — там было место и шутке, и комической сцене.





Но вот в спектакле С. С. Иоаниди «Большевики» Харитонов на три часа становится наркомом продовольствия Цюрупой. Совершенно иная ситуация. Два десятка людей, отвечающих за судьбу голодной, истерзанной войной России. К бедствиям голода, эпидемий, контрреволюционных метяжей добавляется новый удар: ранение Ленина. В густо населенной пьесе М. Шатрова у Харитонова мало сценического времени. И тем не менее Цюрупа запоминается. Более того, он неотступно стоит перед глазами и после спектакля. В мрачноватом выражении лица, почти ожесточившихся чертах его, в сгорбленной сутуловатой фигуре — во всем чувствуется тяжесть, свалившаяся на плечи этого человека. И когда он, такой интеллигентный и корректный в обращении с товарищами, единственный раз в гневе срывается на крик, мы прощаем ему это. Прощаем потому, что ощущаем непомерный груз ответственности за сотни тысяч голодающих в Москве, которым завтра не будет выдано и осьмушки хлеба.

Может быть, роль Цюрупы стоит несколько особняком в творчестве В. Харитонова. Но она лишний раз убеждает в широте творческих возможностей артиста, в многообразии и яркости его художественной палитры.

На всю жизнь запомнились Валерию Николаевичу слова Ольги Андровской: «Мне нравится назначение — заставить душу улыбаться». Но в создании сценических образов Харитонов идет не от внешнего комикования, хотя пластический рисунок роли, всегда графически точный, как правило, нацелен на беспощадное разоблачение отрицательного в человеке. Главным для актера всегда было не банальное осмеяние, а исследование обстоятельств, приведших к атрофии у героя нормальных человеческих качеств и его моральной деградации.

Любопытен в этом отношении его Колошин из «Истории с метранпажем» А. Вампилова, поставленной С. Иоаниди. За один час сценического времени герой Харитонова успевает несколько раз и «власть употребить», и пережить страх лишиться этой власти — быть низверженным с должности директора провинциальной гостиницы. Мы многое узнаем о Колошине, о внутреннем мире героя и побудительных причинах его, казалось бы, странного поведения. Колошин, каким его играет Харитонов, смешон, но еще более — трагикомичен. И беда его в закостенелости представлений об окружающей жизни. История с метранпажем ничему не научила Колошина, как, впрочем, и десятки других подобных историй. Вот его главная беда.

Таким же трагикомическим, но уже с другими акцентами, будет и шут, которого сыграет Харитонов в готовящемся сейчас шекспировском «Короле Лире». Внешне он тоже будет смешон, этот шут. Но только он один пользуется опасной привилегией говорить венценосным особам горькую правду в глаза. Работа эта по душе актеру.

А в перспективе, как всегда, мечты о новых интересных ролях. И самая страстная — встретиться с бессмертными образами Гоголя, Чехова. «Хлестакова сыграть не довелось, — улыбается Валерий Николаевич, — может быть, больше повезет с Городничим».

Случись такое, зрителям бы тоже повезло.

Е. КВЕЦИНСКИЙ.

* * *

На снимках: В. Харитонов в ролях: Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского); Степан Суслов («Князь Мстислав Удалой» И. Прута); доктор Грэйс («Дон Кихот ведет бой» В. Коростылева); Пологий («Враги» А. М. Горького).

Фото Н. Соничевой.

230